

А. Г. Лисицын-Светланов¹**ЭКОНОМИКА И ПРАВО: СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ,
ВЫЗОВЫ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО**

XVII Международные Лихачевские научные чтения «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего» определяют в качестве одного из предметов рассмотрения правовой срез проблемы. При изучении процессов глобального политического, экономического, социального или гуманитарного развития и даже при анализе изменений природного характера невольно возникают вопросы, связанные с оптимальным регулированием отношений людей, организационных структур и государств применительно к развитию данных процессов.

Зарождение глобализации в Новейшей истории можно установить по разным признакам, причем два фактора являются бесспорными. В исторической ретроспективе это, во-первых, начало и поступательное реформирование Китая и, во-вторых, крушение биполярного мира. За прошедшие годы выросло новое поколение людей, ставших свидетелями этих процессов, носителями определенных представлений, которые будут оказывать влияние в грядущие десятилетия. Сам по себе процесс глобализации, протекавший в прошедшие годы, был весьма противоречивым: от бескрайнего романтизма и веры во благо всеобщей либерализации и международной экономической, политической и гуманитарной интеграции до эгоистичного обожествления не только национальных интересов, но и запросов национальных элит.

Произошедшие изменения в субъектах международных отношений коснулись практически всех сторон жизни. Причем эти изменения продемонстрировали отсутствие у многих стран, вставших на путь реформ, желания как бездумно повторять трансатлантические модели развития, так и строить внутри трансатлантического альянса отношения, ориентируясь исключительно на англосаксонскую модель развития². В результате через экономические кризисы начала XXI века

мир пришел к полномасштабному противостоянию, демонстрирующему нарушение государствами не только норм добрососедства, но и основных принципов международного права, которые носят императивный характер, в частности обязанности государств сотрудничать друг с другом в соответствии с Уставом ООН. Отход от традиционных начал международного права, основанных на согласовании воли государств, восполняется ростом национальных интересов, которые могут достигаться, обеспечиваться или отстаиваться различными средствами. К ним относятся политические альянсы, внутренняя и внешняя экономическая политика, социальная политика государств. Цели национальной политики в ряде случаев могут достигаться и военными средствами. К сожалению, применение военной силы, как показывает практика, обычно объясняется благими намерениями — поддержкой и утверждением демократии. Совокупность этих обстоятельств заставляет корректировать построение международных отношений в правовой картине мира.

Выделяя из всей совокупности проблем экономические, следует отметить, что в России они имеют особое значение, поскольку сфера экономических интересов нашей страны неразрывно связана с международными экономическими отношениями. Это обстоятельство предопределяет объективную необходимость обеспечить правовое регулирование в сфере национальной экономики в контексте внешнеэкономических связей.

Правовая политика в целом должна строиться не на разделении на внутреннюю и внешнюю, а с учетом их неизбежного взаимодействия, где приоритет внешних факторов не доминирует. В связи с этим целесообразно обратиться к ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, предусматривающей, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила договора». Из ее содержания следует, что имеются в виду не любые источники международного права, а только общепризнанные принципы, то есть *jus cogens*, и договоры, участником которых является Российская Федерация. К числу первых относятся исключительно принципы, закрепленные в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества государств (в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций), принятой 24 октября 1970 года Генеральной Ассамблеей ООН (резолюция № 2625 (XXV)). К числу вторых — договоры, являющиеся частью правовой системы Российской Федерации и регуляторами только по отношению к государствам — участникам этих договоров, то есть приобретающие характер *lex specialis*.

Таким образом, важно проанализировать, какое международно-правовое регулирование, созданное

¹ Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор. Декан юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук. Автор свыше 100 научных работ, в т. ч.: «Порядок рассмотрения споров в связи с охраной и передачей прав на изобретения, ноу-хау и товарные знаки», «Арбитраж при осуществлении промышленного и научно-технического сотрудничества», «Правовые вопросы научно-технической и производственной кооперации», «Международная передача технологий: правовое регулирование» (в соавт.), «Законодательство США», «Международное частное право: современные проблемы» (в соавт.), «Правовое регулирование иностранных инвестиций в России», «Международное частное право: современная практика» (в соавт.), «Международный гражданский процесс: современные тенденции», «Права человека и современное государственно-правовое развитие», «Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу РФ» (в соавт.), «Новые вызовы и международное право», «Роль права в модернизации экономики России (на примере нефтегазового сектора)». Председатель редакционного совета журнала «Государство и право» и редколлегии «Трудов Института государства и права РАН». Член бюро Отделения общественных наук РАН. Награжден орденами Дружбы, Леопольда II (Бельгия) и преподобного Сергия Радонежского.

² Цивилистические правовые традиции под вопросом: По поводу докладов Doing Business Всемирного банка: пер. с фр. М.: Волтерс Клувер, 2007. Т. 1. С. 171.

в свое время как инструмент глобализации, в настоящее время утрачивает свое значение, а какое может обеспечить определенный баланс национальных и экономических интересов с объективными потребностями мировой торговли. В противном случае международная торговля вернется ко временам политики канонерок, только в иных формах.

Последствия экономического кризиса, политического противостояния, реальных военных действий в Европе, Африке и Азии оказали негативное воздействие на основополагающие правила, принятые в рамках Всемирной торговой организации. Эти правила, призванные в первую очередь обеспечивать либерализацию международной торговли и режим наибольшего благоприятствования как универсального принципа построения международных экономических отношений, становятся пустым звуком на фоне широкого применения экономических санкций в качестве правового инструмента достижения политических и военных целей. Практически санкции, а также контрсанкции или угроза их применения на практике могут касаться неопределенного круга лиц. Они связаны не только с поставками товаров, передачей технологий и финансированием отдельных сделок, но и с долгосрочными инвестициями.

Если обратиться к усилиям построения новых моделей международных экономических правопорядков, то здесь также наблюдается больше проблем, чем позитивных результатов. Так, формирование Трансатлантического и Тихоокеанского экономических союзов вряд ли можно рассматривать как прелюдию к развитию международных экономических отношений на универсальной основе. Во-первых, они носят неуниверсальный глобальный характер. Во-вторых, демонстрируют наличие внутренних противоречий. Применительно к трансатлантическому проекту это противоречия внутренних элит, а к тихоокеанскому — противоречия двух мировых экономических лидеров — США и Китая. Построение правопорядка с заведомо противоположными целями его участников вряд ли можно отнести к числу проектов, обеспечивающих достижение общего блага.

На этом фоне претерпевает изменения и правовая политика России относительно внешнеэкономических связей. На постсоветском пространстве это создание и развитие Союзного государства России и Белоруссии, а также расширение международной организации региональной экономической интеграции — Евразийского экономического союза (ЕАЭС). К числу новых инициатив во внешнеэкономической правовой политике следует отнести участие в разноформатных международных организациях, которые не подпадают под традиционные характеристики универсальных или региональных. К их числу в первую очередь относятся ШОС (*Шанхайская организация сотрудничества*) и БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР).

Определенных изменений требуют принципы двусторонних международных договоров в экономической сфере. Первые шаги в этом направлении уже намечены — это переход от поисков идеологической общности партнеров к разумному прагматизму, осно-

ванному на экономическом и/или военно-политическом интересе.

Серьезные вопросы перед глобальной экономикой и соответственно правовой моделью международно-правового регулирования ставят процессы, происходящие в одном из системообразующих мировых рынков — Евросоюзе. Там развиваются две противоречивые тенденции: наделение ЕС полномочиями, ограничивающими права национальных рынков, с одной стороны, и реальная угроза изменения состава его членов — с другой, что способно привести к его распаду. Оба сценария требуют глубокого осмысления в России. Для нашей страны значение связей с Европой очевидно. Возможность тесного сотрудничества, равно как и острого противостояния, подтверждается более чем тысячелетней общей историей, поэтому и вера в радужные перспективы, и пессимизм, основанный на противоречиях, разделяющих нас, являются излишним максимализмом. Гораздо важнее трезво оценить сложившуюся ситуацию и возможные сценарии развития.

Этот вопрос требует глубокого всестороннего исследования. Что касается правового среза данной проблемы, то ситуацию можно представить следующим образом. Недавний период расцвета отношений Россия–ЕС, когда принимались долгосрочные дорожные карты сотрудничества, ожидавшие реального воплощения в правовом поле, сменился противостоянием с традиционными обвинениями в нарушении прав человека, экономическими санкциями и даже демонстрацией военной силы. На этом фоне возможности правовой интеграции маловероятны. Здесь возникает необходимость внимательно присмотреться к правопорядку, который сложился в Евросоюзе. Насколько он приемлем для всесторонней интеграции и, более того, как выстраивать сотрудничество с Евросоюзом в режиме правовой обособленности каждого из участников складывающихся отношений?

Со времени создания общего рынка до его трансформации в Евросоюз все правовые модели внутреннего устройства этого образования воспринимались мировым сообществом, включая СССР и РФ, как объективная данность. В конечном счете страны-члены создали объединение, которое не является (и не объявило себя) государством (федеративным или конфедеративным) или международной организацией. По сути, Евросоюз может быть определен как наднациональное образование. Фактически Евросоюз сам определяет свою правоспособность и правосубъектность.

В условиях мирной глобализации это можно воспринимать как объективное развитие международного права, способствующее появлению новых субъектов. Однако в период политических, экономических, военных кризисов обнаруживается, что внутреннее устройство Евросоюза в одностороннем порядке меняет традиционные подходы к правовому обеспечению складывающихся экономических отношений в целом и коммерческих контрактов в частности. Если 30 лет назад правовые модели экономически преуспевающих стран Европы в определенной мере служили эталоном, обеспечивающим правовую стабильность коммерческих

отношений, то в настоящее время это качество утрачено. Ярким примером являются события, происходящие вокруг газопроводов (действующих и планируемых) из России в Европу. При сохранении Евросоюза сценарий его развития во многом сохранится, поскольку безмолвно был воспринят другими государствами, включая Россию. Но вряд ли это приемлемо на постоянной основе, поскольку проблемы, связанные с газовыми проектами, неизбежно сопряжены с определенными экономическими потерями для России. Изменение ситуации в условиях противостояния наиболее вероятно через коррекцию собственного национального законодательства, регулирующего порядок и условия выхода на международный рынок, и защитных мер, не ограничивающихся контрсанкциями или иными мерами, носящих характер реторсий.

Таким образом, в условиях современных кризисов России необходимо выработать стратегию построения двусторонних и региональных договоров на основе избранного ею прагматичного подхода к определению как потенциальных партнеров, так и содержания договорных условий. Стратегия внешнеэкономических

связей должна строиться в первую очередь на их допустимости с точки зрения российского законодательства, а также защите национальных компаний и национальных интересов в целом.

Важно отметить, что действие в отношении России ограничительных экономических мер базируется не только на последних санкционных законах — эти меры не исчезнут, даже если они будут отменены. Правовая эшелонированность ограничительного законодательства зарубежных стран, в первую очередь США, значительно глубже и основана на законодательстве о контроле над экспортом, имеющем давний опыт применения и находящем поддержку у большинства союзников США.

Принимая во внимание, что для России системообразующими являются такие базисные сектора экономики, как энергетика, недропользование, высокие технологии военного и двойного назначения, их правовое регулирование, включая инвестиционное и приватизационное законодательство, целесообразно строить с учетом перманентного сохранения ограничительных мер в отношении России в обозримом будущем.